

Состав участников:

П. Анисифоров – вице-президент Союза архитекторов России по Западной Сибири, председатель правления Алтайской организации САР (Барнаул); А. Бавыкин – вице-президент САР, советник РААСН; А. Боков – академик РААСН, заслуженный архитектор РФ, действительный член МААМ, президент САР; Е. Гевель – архитектор-искусствовед, государственный эксперт по проведению историко-культурной экспертизы, преподаватель Института градостроительства СФУ; Е. Зыков – архитектор, член правления Красноярской организации САР; Э. Кубенский – архитектор, художник, дизайнер, руководитель издательства «Татлин»; К. Лидин – канд. техн. наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента ИрГУПС; А. Макаров – главный архитектор Красноярска, профессор МААМ; А. Раппапорт – архитектор, теоретик архитектуры, канд. архитектуры, доктор искусствоведения, член САР, Международного комитета архитектурных критиков, Союза дизайнеров России, Ассоциации искусствоведов; А. Сирина – доктор истор. наук, ведущий научный сотрудник отдела Севера и Сибири ИЭ РАН; О. Смирнова – архитектор, член правления КРОСАР; М. Ткачева – канд. филос. наук, доцент кафедры философии БГУЭП, сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск), член Союза журналистов России; А. Юдин – канд. истор. наук, доцент Центра изучения религий РГГУ.

Кураторы:

Е. Григорьева, заслуженный архитектор РФ, чл.-корр. РААСН, действительный член МААМ, вице-президент САР по Восточной Сибири, издатель и главный редактор журнала «Проект Байкал»; А. Мякота – архитектор, член правления КРОСАР, руководитель архитектурного бюро «АДМ», Красноярск.
Модератор – А. Козьмин, руководитель Центра урбанистики Томского госуниверситета.

Идентичность сибирских городов и общественные пространства

Дискуссионный клуб ЗВС-14. 27–28 июня, Красноярск

текст
Марина Ткачева
фото
Марина Ткачева,
Сергей Демков

Алексей Козьмин Тема круглого стола многосторонняя, сложная, философская. Представляется, что она затрагивает связь пространства и мысли, пространства и психологии, архитектуры и идентичности места. Мы будем говорить, поднимая тему общественных пространств современного города.

Елена Григорьева Мы – как архитекторы и как жители своих городов – чувствуем, что города Сибири отличаются а) от других городов мира; б) от других городов России; в) каждый сибирский город имеет свои, только ему присущие, особенности. Каждый город вызывает свои ассоциации. Сибирские города имеют общую историю: первопроходцы шли из европейской части России и основывали города на пересечении своего пути и великих рек, текущих с юга на север в Ледовитый океан. Мы живем в разнообразных ландшафтах: рядом с Томском самое крупное болото в мире; горные красноярские ландшафты выходят прямо в город; Иркутск гордится соседством с всемирно известным славным морем Байкал. Говоря о сибирских городах, мы не можем не сказать об особых сибирских людях. Евгений Евтушенко озаглавил один из своих сборников «Я сибирской породы». Можно согласиться с поэтом в том, что существует особая порода людей, история и география сформировали особый сибирский характер. Номады кочевали по этим территориям до того, как пришли русские первопроходцы. Некоторые коренные народы достигли высшей гармонии с природой. Позже появились номады поневоле – те, кого сюда отправляли в ссылку, на каторгу. Масштабные комсомольские стройки советского времени породили номадов романтического плана. Все эти люди отличались особыми чертами, были энергичны и амбициозны, часто авантюры. Сформировался особый менталитет. В последние десятилетия усилился «западный дрейф»: наиболее энергичные и амбициозные уезжают из Сибири в столицы и зарубеж. Конечно, д'Артаньяны, уезжающие покорять Париж, были и будут всегда. Однако как сделать наши города неповторимыми, как сделать, чтобы жители ценили и любили именно свой город, гордились своим городом?

Алексей Мякота Я думаю, что в этой дискуссии мы попробуем проанализировать воздействие самого места на человека, на то, как формируется культура места, как формируется человеческий психотип. Как возникает эта ментальность сибиряка. И, конечно, надо говорить о природе, ландшафте.

АК Идентичность сибиряка действительно очень сильная вещь. Сибиряки, как правило, объединяются в прочные диаспоры, даже находясь далеко от родных мест.

Анна Сирина в докладе «Народы Сибири: ландшафт культуры и культура ландшафта» говорила о значении антропологических и этнографических исследований народов Севера, их традиционных представлений для понимания современного социального ландшафта, социального расслоения общества. В него включены хозяйственно-культурные типы – понятие антропологии, характеризующее связь человека не только с деятельностью, которую он практикует, но и с местом его развития. В него входит представление о самоидентичности человека, основанное на преемственности культуры, непрерывной связи поколений. Кочевая архитектура, многофункциональная, весьма утилитарная, но и обладающая существенными эстетическими достоинствами, являлась необходимым элементом ландшафта культуры кочевников.

Особый хронотоп, существующий у народов Севера, связан с их практическими действиями и природным ландшафтом. Значительные события жизни формируют духовный ландшафт, культурные архетипы. А культурные архетипы инвариантны у народов всего мира (см. статью А.А. Сириной «Люди и город» в этом номере ПБ).

АК Мы подходим к теме столкновения антропологических типов, двух культур. В России казаки подминали аборигенную культуру и тиражировали свои нормы и формы жизни. В цивилизационном отношении это оказывалось более жизнеспособным, чем сохранение традиций. Место ли определяет идентичность или традиции определяют идентичность?

АС Уже выросло третье поколение интеллигенции, которое тиражирует именно современное сознание. Но в какой-то период для художников и дизайнеров стало актуальным обращение к традициям, так называемой неоар-

хаике. Такое возвращение к идентичности я могу назвать «корнями, пробивающимися сквозь асфальт» (см. статью А.А. Сириной «Художник в городе...» в этом номере ПБ).

Алексей Бавыкин Мне кажется, было два процесса колонизации этой территории. Первый, изначальный, носил более-менее органический характер. А второй – колонизация советская, культурная. Объясните, в чем уникальность этого процесса в нашей стране. Чем она отличается от аналогичных процессов, скажем в Северной Америке, Австралии?

АС Схожие колониационные процессы были в Северной Америке и в России. Правда, в советское время термин «колонизация» вообще был запрещен. В колонизации Сибири осуществлялась российская модель, со всеми российскими плюсами и минусами. Сначала их убивали. Были стычки локальные. А затем, через 20–50 лет, эвенки становятся лучшими проводниками казаков по Сибири. Они, собственно, и вывели казаков на побережье Тихого океана. Не только русские осваивали этот край. По архивным данным, здесь были и литовцы, и белгие, и ссыльные, и крестьяне монастырские. Тогда же Сибирь заселялась северянами (Вологодская область). Это огромные территории, необыкновенная культура. Это уже смешение народов и культур, в каком-то смысле их расцвет. Этот отток в Сибирь был вполне осознанным. И опыт общения с разнотничным населением, разумеется, был.

Развитие народов Сибири сейчас тормозит то, что у них нет прав на территории традиционного природопользования. Сейчас признано, что сохранять территории нужно вместе с человеком, который ведет неистощительное природопользование.

АК Многие из нас тоже считают себя аборигенами; уже есть сибиряки в шестом-седьмом поколении. Поэтому и говорят о сибирской идентичности. Но с точки зрения градостроительства, архитектуры у нас глобализация, глобальные технологии. Очень популярно стало приглашать европейских, американских архитекторов. Они не всегда видят место, его историю. По своему опыту я вижу, что в Улан-Удэ, где есть бурятская национальная идентичность, архитектура существенно отличается от европейской, которая сюда была исторически привнесена. Как только в

Бурятии возникли условия, там быстро возникли дацаны, традиционные культурные формы. Идентичность восстановилась. Как нам, сибирякам, в этом новом глобальном мире удержать свою идентичность, есть ли она у нас? Как сохранить наш культурный код? Ведь приход глобальных сетей, в том числе всемирных торговых сетей, брендов, марок унифицирует пространство. И в новых поколениях культурные коды начинают стираться.

АС Проблема такая стоит перед всеми, не только перед Сибирью. Мне кажется, надо просто бороться до конца, кто как может, каждый на своем месте. Наверное, как вампиловская Валентина, которая восстанавливает палисадник.

АК Я зафиксировал это как наш культурный код – «восстанавливать палисадник». Но как исторические культурные слои, на месте которых растут современные города, могут повлиять (или влияют) на современную жизнь?

Екатерина Гевель в своем докладе «Закономерности расположения стоянок древнего поселения и расселения этносов на территории Красноярска» подчеркнула, что для исследования городов как сложных живых организмов нельзя обойтись без междисциплинарного подхода, в котором топонимика, антропология и археология занимают важное место. В самом Красноярске зона древних стоянок тянется прямо по центру города – от Стрелки до Речного вокзала, на Караульной горе и т.п. Вокруг города также много историко-археологических зон. Первая задача – их изучение и описание. Но сохранять их следует обязательно. С известной долей условности их можно назвать прообразом города. Но очевидно, что наши предки жили в гармонии с природой (см. статью Е. Гевель «О своеобразии Красноярска» в этом номере ПБ).

АК В градостроительстве сейчас сталкиваются два подхода. Первый – утилитарный: нужно создавать новые жилые микрорайоны прагматичного типа, многоэтажные, плотные. Второй, романтический – давайте сделаем все красиво, в гармонии с природой, чтобы человеку было удобно. Хочется понять, насколько исторический контекст сыграл роль в решении вопроса об эстетике и прагматике, который сегодня стоит на повестке дня, в том числе и в Красноярске. И каким образом эти подходы

сталкиваются в конкретных градостроительных разработках?

Андрей Макаров Мы же разные. Мне из зала говорят, что люди не верят в то, что они могут повлиять на принятие решения. Я очень много занимался вовлечением местных сообществ в процессы управления территориями. Нужно от трех до пяти лет планомерной работы вместе с лидерами объединений для того, чтобы люди включились. Тогда и станет реальностью идея, что носителями культуры являются люди, живущие в данном месте и желающие свое место обустроить. Но рекреации и деревья всем нравятся, а про силуэт города вообще мало кто задумывается. Вчера в Художественном музее открылась выставка скульптора Д. Намдакова. Он говорил об изменении границ осознания места: сначала деревня, потом город, потом Сибирь... Сегодня все соединилось, и вся планета – один большой дом. Так меняется само понимание места.

АК Место меняет человека, но в городах есть масса примеров, когда приход достаточно большого количества мигрантов с другой культурой и религией очень быстро меняет само место.

Константин Лидин Мы все время обсуждаем сущности, которые не существуют физически: можно ли измерить красоту? Вряд ли. Мы все время говорим не о том, что существует реально, а о том, что мы думаем на эту тему. Мы все время находимся в пространстве мифов. Великолепный пример – 130-й квартал в Иркутске, миф, который родился буквально на наших глазах. До реконструкции это был чудовищный клоповник. Но как только вычистили это безобразие, немедленно возник миф о некоем парадизе, где жили счастливые люди, настоящие иркутяне и было сплошное пиршество деревянной архитектуры. И теперь люди сравнивают реализацию проекта не с тем, что было на самом деле, а с тем, что они думают о том, как там было на самом деле. Примерно так же на наших глазах возникают мифы о неких благородных дикарях, которые населяли Сибирь до того, как пришли сюда русские. Ему вторит симметричный миф о том, какие благородные русские сюда пришли, всех научили жить, просветили. Мне кажется, что мы вообще зря обсуждаем

вопрос об идентичности сибиряка. Мы не сможем ее найти в принципе, потому что эта сущность находится в мифологическом пространстве. Мы должны поставить вопрос иначе: как мы сконструируем, построим, изобретем идентичность сибиряка? Это необходимо сделать, ибо идентичность территории – понятие экономическое. Территории – это бурно развивающиеся отрасли экономики. Идет конкурентная борьба в первую очередь за постоянных жителей: откровенное переманивание ценной, работоспособной, фертильной части населения. Вот экономический фундамент любой территории. Территории стараются идентифицироваться, позиционироваться друг от друга в первую очередь потому, что это вопрос выживания. Если мы убедительно не объясним жителям Красноярска, почему надо жить именно здесь, то у нас население утечет, что, собственно, и происходит сейчас на наших глазах. Некоторые сибирские города уже стоят на грани. Если мы не найдем миф, заземляющий человека на это место, то мы потеряем людей, а вслед за ними мы потеряем территорию.

Екатерина Гевель Я хотела бы вспомнить, что при проектировании исторической части Красноярска была обнаружена историческая канва, в которой запечатлена как бы память городской среды, жизнь целых эпох. Когда здания были уже снесены, а жители переселены в новые города, эта местная канва сохранялась в виде легенд, преданий, фотографий, историй как дух места. Место очень много значит. И, вероятно, активная жизнь красноярцев проистекает из уникальных возможностей урочища, возможности раскрыться в природу, вести диалог города и природы.

АК Итак, идентичность – даже не сибирская, а красноярская – есть.

Александр Раппапорт Константин Лидин очень уместно ввел категорию мифа, но затем противопоставил ее реальности. Мне кажется, что миф – это единственная культурная реальность; другие реальности – это научные гипотезы. Строить новый миф никому не запрещается. Надо думать, что миф, который существовал до настоящего момента, все-таки существует: это миф советского человека. Он отличается от мифа поляка, австрийца,

швейцарца, англичанина. Каков сейчас общепринятый миф советского человека, который живет в Красноярске? Чем он отличается от советского в Москве или на Невском проспекте? И, наконец, каковы границы, в которых обретается идентичность, в социологическом или в социально-культурном смысле? Ее масштаб неявно сквозит у нас в сознании, но географические границы устойчивой мифологии никому не известны. Это очень интересный исследовательский вопрос, ибо границы все-таки существуют, так же, как клетки, атомы, лучи, образуя инфраструктуру мифологии. Именно географическая инфраструктура мифологии представляет и теоретический, и практический интерес.

Марина Ткачева Вопрос об идентичности касается не только архитектурного окружения, но и той деятельности, которая в этом архитектурном окружении ведется. Сохранение форм жизни, связанных с аутентичностью, историей, оказывается в полном провале, если их законсервировать и организовать резервацию. Однозначно одобрительное отношение к этническим традициям и формам жизни – еще не самый очевидный и лучший вариант. На наших глазах – пример другого рода. Открылась выставка уже всемирно известного художника, скульптора, ювелира Даши Намдакова. Его первоначальная интуиция о принадлежности к бурятскому роду и бурятскому народу мало-помалу насыщается другими идеями и другими темами: итальянская, египетская, английская культура... Это не мешает ему оставаться сыном бурятского народа. Так глобализация, о которой говорил Алексей Павлович, превращается в глокализацию: утверждение не глобальных трендов, существующих во всем мире и долженствующих осуществляться в том числе и у нас, а утверждение своего достоинства методами взаимодействия с другими культурами, сохранение своей особенной позиции и особенного взгляда. Конечно, этот взгляд отчасти архетипический, но он все равно есть. Я опять возвращаюсь к идее, что рассматривать одну архитектуру как сумму зданий или сумму пространств недостаточно. Первый вопрос – какая деятельность будет организована с помощью этой архитектуры?

Ольга Смирнова Я училась в Питере, и после десятилетней жизни в Красноярске ощутила, что в Питере масштаб совсем другой, чем мне казалось: казалось огромным, а стало нормальным по сравнению с Сибирью. Моя идентичность изменилась именно здесь. Первое – в Сибири другой масштаб. Второе – я сделала открытие. Екатерина Васильевна употребила слово «видовка». Видовка для сибиряков – это место, откуда можно увидеть сверху красивый пейзаж, и мышление на этом заиклилось. Результат – мышление застройщиков заточено на то, что «надо видовку освоить», из окон показать красоту. А силуэт города искажается, гробится культурный ландшафт.

АК Зафиксируем: красивый вид из окна хотят иметь все. Но таких мест немного. Сохранить профиль города и его видовые характеристики – очень небанальная задача. Многие мировые города с этим не справились.

Алексей Бавыкин Поддерживаю главного архитектора. Я выхожу на балкон своего номера – очень некрасивый вид, и никто мне не докажет обратного! Надо волевым порядком, как это и делалось всегда в истории, пока не поздно, определить места высотной застройки и запретить строить выше восьми этажей на местах, где не разрешена большая высотность. А другого варианта нет.

ЕГ Красноярск достоин того, чтобы в составе генерального плана был специальный раздел, посвященный ландшафту, сочетанию искусственного и естественного. Необходимы регламенты по высотной застройке, сохраняющие силуэт города. Сейчас самое время это сделать.

Андрей Макаров У нас есть проект зон охраны, в котором природные ландшафты обозначены предметом охраны и должны быть сохранены. Я надеюсь, что со временем это удастся. Но отступления могут пролоббировать те застройщики, которые уже купили земли. Наши предложения мы должны учесть именно в ПЗО. Деформирующие объекты могут быть выявлены, может быть перечеркнуто их дальнейшее появление.

Евгений Зыков Еще лет пять назад я присутствовал на чешской презентации высотного строительства в Праге. Архитекторы сделали 3D-модель города с рельефом, выявили те точки, откуда город воспринимается как

цельное образование, ансамбль. Они с этих точек делали проекции, встраивали туда высотные объекты и убедительно показали, какая высотность здесь возможна, а какая нет, в каком случае силуэт города не ломается. Такая комплексная работа не может быть сделана одной компанией. Это – компетенция городской власти, если она заинтересована в сохранении достоинств города.

Алексей Мякота Работа, связанная с ландшафтом, должна учитывать не только высотность, но и композиционные свойства ландшафта, способы его освоения. Но она должна быть одобрена нами, горожанами. Это работа нескольких коллективов. Это разные формы, и междисциплинарные в том числе, и общественность и т.д. Самый позитивный проект адаптации искусственного в природном – Сизэп.

Андрей Макаров Мы понимаем тот результат, который нам нужно получить, и у нас есть проект ландшафта как предмета охраны. Поэтому давайте находиться в юридическом поле.

АК Кто должен быть субъектом, который определяет эти охранные зоны, кто должен лоббировать интересы охраны ландшафта?

Андрей Макаров Управление культуры, наши уважаемые историки, наше сообщество, которое и должно эту работу довести до результата, который нам позволит сохранить ландшафт не только центра города. Построение 3D-модели может быть этапом работы, хотя пока эта работа не имеет заказчика.

АК Я давно занимаюсь практической деятельностью, и бизнесом в том числе. Есть законодательство, а есть жизнь. Если мы наши проекты зон охраны будем делать исключительно исходя из норм законодательства, мы ничего дельного не получим: и идентичность местную не сохраним, и новому не дадим развиваться. Мы потеряем город. Такое уже произошло во многих городах.

АР Хотя в Питере сейчас живет полпроцента коренных ленинградцев, это совершенно новый этнос. Но только сегодняшние жители Питера смогли выступить почти в революционном порядке против Охта-центра и принудили «Газпром» отказаться от этого проекта.

Екатерина Гевель В апреле вся общественность Красноярска намертво встала, чтобы сохранить городской сад, памятник природы. То же самое происходит с историческим кварталом.

МТ Есть ли реальные рычаги у муниципальной власти нерекламательного характера, чтобы противодействовать варварской колонизации городского пространства?

Андрей Макаров Власть, если будет заинтересованная позиция общества, может работать: либо оправдывает требования выборщиков, либо нет. Но существуют более интересные темы, нежели силуэт. Я все-таки оптимист, потому и работаю, что надеюсь на возможность позитивных изменений. Но только общество должно созреть для них.

Алексей Мякота Я вернусь к теме мифа. Миф может быть высокохудожественным, а может быть просто утилитарным. Но в любом случае он строится на особенностях национального мышления, которое включает и национальное, и геополитическое. Но в конкретном месте есть некие особенности, которые ведут тебя как бы помимо твоей воли. Вечна не форма, а нечто такое, что предопределяет наше поведение. Ребенок, который родился в Японии, еще не очень хорошо зная язык, практически демонстрирует полностью именно японскую структуру мышления. Идентичность – это своеобразие геополитическое, давайте назовем это сутью места. Почему же при таком своеобразном ландшафте мы не имеем чего-то своего? Вот я проектирую в Ергаках альплагерь. Моя задача – не повторить Альпы и альпийские дома, а почувствовать суть этого места: уникальные ландшафты, включение в них человека, типологию спасения человека в горах, экстремальный климат (там даже клещи не водятся, потому что лето – всего полтора месяца)... Неосвоенная территория. Надо найти архитектуру, которая адаптировалась бы именно к этому месту, несла бы какие-то контексты, учитывающие реакции ландшафта. Но носителем идентичности является человек: на один и тот же природный объект у людей из разных мест совершенно отчетливо разные реакции. И он уже создает эту самую идентичность в материальной культуре, в образцах и т. д. У меня мастерская называется «Архитектура, дизайн, методология».

АК Ваши примеры связаны с природными объектами, где городской идентичности нет. Как переложить ваши примеры на городскую ткань, на Красноярск конкретно, как находить формы, которые соответствуют идентичности, городскому ландшафту?

Алексей Мякота В нашем проекте есть строительно-конструктивная система, которая имеет универсальный узел и связь. Она абстрактна. Она не несет за собой никаких кодов культурных. Кроме материала, там ничего нет. Но мы этот значок вмонтировали в проект острова Ташев. И здесь мы искали уже знаково-образную систему в этом элементе.

АК Но все-таки проблема у нас – город, это воплощенное разнообразие. Особенно в городах-миллионниках люди очень разные. Вот где трудно нащупать идентичность. Вы для одного района города можете угадать, а для другого нет.

МТ Алексей Дмитриевич кокетничает, говоря, что смысла в конструкции нет. Ведь смыслы рождаются не только в голове создателя. Они рождаются в процессе функционирования того предмета, который вы создали. И вот эти-то смыслы как раз есть, были и будут.

КЛ Проектируя, архитекторы очень часто забывают, что потом объект будет жить уже без них. И он будет подлежать осмыслению и, соответственно, изменению тех людей, которые будут с ним сталкиваться дальше. Обсуждать, хорошо это или плохо – бессмысленно, так же как наступление осени. Как было бы просто и легко охранять исторические места, если бы в городе не было жителей! Но это абсурд! С точки зрения Мякоты, его проект рифмуется с пейзажем. Но есть другие точки зрения, с которых он выглядит чужеродным. И обитатели этих домов начнут менять их, реализуя возможности, которые вы заложили в его как бы нейтральную конструкцию.

Алексей Мякота Думаю, что обитатели этих домов начнут менять их не под пейзаж, а под свои потребности, под свое восприятие.

КЛ Никакого пейзажа не существует, есть только наше его восприятие. Обратите внимание, что у нас сегодня несколько раз возникала точка зрения, когда архитектор противопоставляется жителям города. Но эти претензии

взаимны. И возникают претензии: почему они такие некультурные? Почему они, сволочи такие, не хотят жить в чумах? Почему они не хотят жить на помойке, а хотят, чтобы эту помойку вывезли за город?

Екатерина Гевель Как в историческом городе почувствовать эту пространственно-временную глубинность природы? Что позволит жителям ввести память и подлинное чувство истории в жизнь? Что делать горожанину-то?

АК К сожалению, это интересует 3%, может, 5% населения. А остальные люди имеют в виду совершенно простые объекты и какие-то мифы, которые вокруг этих объектов созданы. Но в историю глубоко не проникают.

Алексей Юдин Я достаточно хорошо знаком с итальянцами, и эта тема меня взорвала. Итальянцы – это искусственная, политико-мифологическая конструкция, которая создавалась веками и завершилась Муссолини. Фашизм сделал Италию, но про это забыли. А вот пример того, как мифы изменяют экономику. Курорт Римини расцвел на мифе о прекрасном море. Мифы создавать надо. Мифы создает политика, мифы создает культура, и это средство развития экономики в том числе, чем я сейчас, собственно, занимаюсь. Я – бренд-менеджер территорий; я не собираюсь привозить ничего готового из Москвы. Мне интересен здешний механизм инкультурации, превращения и создания новых ценностей. Я хочу увидеть нынешний пласт бытия и понять, где у вас классика? Где ваш ландшафт, без которого Красноярск не будет собой? Я особо занимаюсь экономическими вопросами, интеграцией в культурном аспекте: как в культуре найти ориентиры для экономического развития.

АР Мы сейчас все находимся в культурной ситуации, когда пытаемся нацепить на слона чепчик маленькой мушки: ничего не понимаем ни в идентичности, ни в культуре, ни в градостроительстве. У нас есть такой романтический, от XIX века унаследованный открыточный вид, который бабушка прислала из Флоренции или из Альп. Нам труднее всего понимать, с чего начать и к чему двигаться. Мы – архитекторы, портящие земной шар, но считаем себя ответственными за духовное здоровье людей, которые выходят на улицы и разрисовывают дома граффити. Они варвары, и мы знать их не знаем и не желаем знать.

Мы все время порождаем вандализм в своей среде, и вандализм порождается самой культурой. Это очень интересная ситуация нашего времени. Но этим энтузиастическим неведением охвачены сейчас миллионы людей и профессий. И архитекторы оказались в самой сложной ситуации. Они совершенно не понимают, что они делают, зачем они это делают, но борются за что-то. Их хочется как-то вылечить от профессионального снобизма – иллюзорного знания о том, что есть абсолютно хорошее и абсолютно плохое.

КЛ Я бы хотел задать аудитории первый и наиболее провокативный из вопросов – зачем вообще нужны сибирские города? Кому они нужны здесь и для чего нужны? Ведь 40 тысяч лет, что человек живет в Сибири, никаких городов не было. По масштабам тысячелетий они появились буквально две минуты назад, и городами их можно назвать с натяжкой. Соответственно, вопрос: как с ними дальше поступать? Существует мнение, что города в Сибири – явление чисто временное. Они были нужны до тех пор, пока не развилась транспортная структура, которая позволила бы вообще отказаться от постоянного населения и возить сюда рабочую силу вахтовым методом. Сибирь как кладовка ресурсов воспринимается начиная с XVII века. Просто ресурсы стали другие: сначала отсюда вывозили пушнину, золото, серебро – высококонцентрированные по стоимости малотоннажные продукты. По мере развития дорог начали вывозить железо, потом уголь, древесину и т.д. И сейчас из Сибири вывозятся полезные ископаемые, выкачивается энергия. Что будет, когда человечество перестанет нуждаться в этих ресурсах? Как только Сибирь перестанет выполнять роль кладовки, окончательно станет понятно, что города в Сибири не нужны. Подобные мнения раздаются на достаточно высоком уровне. Само наличие постоянных поселений в Сибири – анахронизм, и нужно всех отсюда эвакуировать. В этом климате, в этих местах люди жить не должны. Они должны сюда приезжать, работать, сколько здоровье позволит, и уезжать на отдых в какие-то более комфортные части планеты.

Я подобрал несколько карт, показывающих, что если мы смотрим на Сибирь не изнутри Сибири, а снаружи, картина получается совершенно иная, и возраст городов тоже. С точки зрения жителей Красноярска, Иркутска, Омска, Томска все эти города существуют. Но с точки зрения французов этого же времени никакой Сибири вообще нет, вся Азия заканчивается Каспийским морем. Дальше начинается некое пространство, которого просто нет. На карте Энтони Дженкинса никаких городов нет и в помине. Вообще постоянных поселений нет. Зато есть множество фантастических персонажей. На месте Байкала – некое Китайское море. Люди, которые прошли войну, вдруг ни с того, ни с сего окаменели. Так и стоят каменные фигуры. В Иркутске находятся самоеды, которые едят друг дружку. Иркутск, Восточная Сибирь – место совершенно экзотическое. После эпохи Великих географических открытий, как ни странно, китайцы, которые могли бы лучше знать про Сибирь, знали еще меньше. Петр I собирался наладить торговые отношения с Китаем и, соответственно, планировал туда экспедицию. Но не успел. Однако в Голландии для него была карта приготовлена: Енисей нет, Байкала нет. Это уже 1704 год. Через 50 лет после как бы основания Иркутска (1660) император России не знал об этом городе. Вплоть до XIX века Сибирь оставалась чем-то похожим на Марс для современных фантастов. Фантаст Жюль Верн написал один из своих известнейших романов – «Михаил Строгов: из Москвы в Иркутск». Попасть в Иркутск – примерно как из пушки полететь на Луну. Совершенно фантастическая и романтическая история.

До сих пор он очень популярен, а Иркутск продолжает оставаться для европейцев чем-то таким вроде Марса. Конец XVIII века. Иркутск уже можно найти (Иркутск как раз получает статус губернского города), но больше в Сибири городов нет. XIX век. Сибирские города появляются в результате военной угрозы со стороны Японии: после революции Мэйдзи у России вдруг обнаруживается серьезный враг на Востоке. Но вот построена Транссибирская магистраль, и видно, что в первое десятилетие XX века все города, через которые она прошла, начинают расти. Рост продолжался практически до 70-х годов, начал замедляться к 80-м годам, когда железная дорога начала терять значение в связи с общим кризисом советской экономики.

С самого зарождения сибирские города играют совершенно уникальную роль: это города, которые не являются крупными торговыми центрами. Практически отсутствовала у сибирских городов роль научных и просвещенческих центров: кому придет в голову делать науку в Сибири? С точки зрения XIX века – нонсенс. И роль организационных центров сибирские города не играли. Знаменитый иркутский губернатор Пестель, отец декабриста, в течение 20 лет руководил Сибирской губернией, но ни разу в ней не побывал. Итак, сибирские города носят изначально уникальный характер транзитно-транспортных узлов. Первые достижения сибирского зодчества тоже связаны в первую очередь с дорогой. На примере трех городов видно, как формируется структура города под влиянием его транзитной роли. Скрещение путей железной дороги рождает прямоугольный характер планировки городов и их развитие вдоль реки и вдоль железной дороги. Образуется манхэттенская квадратная сетка, причем одна ось параллельна реке, другая параллельна железной дороге. В своем развитии сибирские города постоянно выходили за пределы городской стены, занимали новые территории, продолжая те же принципы. Эта роль осталась за сибирскими городами, по крайней мере, на следующие полвека. В советское время транзитность приобретает более общий смысл – транзит идеологии: по Транссибу социализм летит до самых границ и, не останавливаясь, дальше в Юго-Восточную Азию, которая очень быстро становилась социалистической.

Эта роль никуда не делась и сейчас, хотя приобретает совершенно новые технические обоснования: сверхскоростная дорога нужна Китаю, чтобы попасть в Европу, и ее предполагаемая трасса идет по линии того же Транссиба. И те же города остаются на линии Транссиба, продолжая нести ту же самую функцию – транзитную... Скорее всего, в следующие десятилетия (а может быть, и столетие) сибирские города будут городами при дороге. Города на сквозняке: сквозь них будет протекать огромный поток товаров и людей, в общем случае – информации. Большие информационные потоки сквозь Иркутск, Красноярск и прочее. Вот Иркутск, который мне больше знаком. Четкая манхэттенская сетка, которая проницаема для информационных потоков в обоих направлениях, и с севера на юг, и с запада на восток. В центре города она с 90-х годов очень активно разрушается. Фактически застройка приняла совершенно хаотический характер. Множество памятников было разрушено, множество совершенно ужасных объектов построено. Плотность населения в центре города стремительно росла, потому что градостроителям нужна земля, в которой уже есть коммуникации. За эту землю шла борьба. Как результат – хаос. Множество улиц, которые прерываются. Такая застойность имеет совершенно определенный социально-психологический аспект: Сибирь – экстремальное место для жизни. И главная угроза жизни сибиряков – депрессия.

Среда беспощадна. Как только человек перестает быть уверенным, что он хочет жить, он перестает жить. И линейный, продуваемый характер жизни в сибирских городах – это необходимое условие жизни здесь. Многолетние исследования, которые мы проводим, показывают, что жители Иркутска поражены двумя видами неврозов: тревожный невроз и невроз неврастенический. Общий фон воспринимается как приятный, и в то же время как-то здесь тоскливо и страшно жить. Это необъяснимо, но эмоции мы не всегда можем объяснить... На уровне отдельных объектов это также видно. Сибирский дом весь построен так, чтобы помогать своему жильцу справляться с депрессией. Во-первых, он очень пронаходим: дерево – материал пористый. Он проветривается, продувается, воздухопроницаем достаточно. Проемность невысокая, но очень много солнечных дней, чистый воздух, и небольшая проемность дает достаточную инсоляцию. Дом обязательно строился с учетом движения подземных вод: самые старые районы построены в самых сухих местах. Строители очень точно следовали розе ветров, иначе просто выдует. Деревянная резьба – не просто украшательство, а заклинания, очень древняя магия. Она помогала людям чувствовать себя увереннее. Попытки вернуться к этой идеологии сотрудничества с природой – расцвет архитектуры в 60-е годы. Такие суровые brutальные образы, использующие в первую очередь образы сибирской природы, отнюдь не благостной. Мне кажется, что искать идентичность сибирских городов надо где-то здесь. Сибирский город существует не просто так, а в совершенно определенном хронотопе, это город на сквозняке, продуваемый город и динамически изменяемый. Не случайно сибирские города строились с расчетом на то, что они будут перестраиваться; ни один из них не строился с расчетом на тысячу лет. Все города динамичные, все города на дороге, они динамичны с момента зарождения. Остановка для сибирского города смертельна. Как велосипедист не падает, пока движется, так и города созданы, чтобы бороться с депрессией. Наиболее успешные растущие города наиболее успешно и с депрессией борются. Это очевидно, когда мы сравниваем Красноярск с Иркутском. В Красноярске население растет, а в Иркутске убывает, может, именно потому, что Красноярск более мощно сопротивляется попыткам разрушить его пронаходим, транзитный характер. Мне кажется, это очень перспективное направление в исследовании, так как депрессия во всем мире осознается как страшная опасность. Если мы свой опыт сопротивления этой экстремальной природе отразим и воплотим его в архитектурные градостроительные рецепты, то, скорее всего, они окажутся востребованы во многих местах мира. Ведь депрессивные территории и города в Европе – это распространенное явление, серьезная беда... такое я видел в Германии, Болгарии. И то же нас касается. Если ослабнет информационный поток, который сквозь нас протекает, то сибирские города умрут гораздо быстрее. Если из сибирских городов начнут активно разбегаться люди в самом ценном возрасте, творческие люди в первую очередь, привлекающие интерес и внимание к городу, нам хватит 20 лет, чтобы город сколлапсировал и исчез. Здесь еще живут те, кому нравится жить на ветру. Это интересно, азартно. Всегда есть с чем побороться, а многие это любят.

AP Главное, что я уловил из доклада – это проблема депрессии. Не так давно я сам опубликовал статью под названием «планетарная клаустрофобия». Мне представляется, что стереотипизация строительных конструкций, архитектурных форм приводит к стереотипности, похожести всех городов и населенных пунктов

на земном шаре. Как следствие – у человека возникает ощущение сокращения размеров земной территории. Я предположил, что когда-то существовавшее весьма недепрессивное стремление людей уехать повидать мир исчезнет, ибо все в мире будет представляться совершенно одинаковым. И мне показалось, что самое страшное – если у детей возникнет чувство одинаковости всего на Земле, отсутствие на ней нового. Это будет страшный депрессивный элемент угасания жизненной энергии. Я это интуитивно почувствовал. Представил себе какой-то будущий мир, где детям не рассказывают сказки о тридесатом царстве, тридесатом государстве, потому что никакого чудесного тридесатого царства на Земле нет.

Бессознательно мы исходим из того, что будущее прекрасно. И города для многих людей в нашей цивилизации были местом будущего. Города – пространственный феномен, но на самом деле он стал темпоральным. Люди ехали в города, как в свое будущее. Это, конечно, происходило в разных условиях, но в XIX веке стало явным. Выражение «город будущего» – тавтология. Город – это и есть будущее; жить в городе значило жить в будущем. И процессы урбанизации, связанные с технической индустриализацией сельского хозяйства, которые выдавили огромное количество сельского населения из непосредственного круговорота веществ в природе и толкнули их в города, они толкнули их в будущее. Вообще все эти прогрессы, мне кажется, чисто городская идея. Не город – будущее, а будущее и есть город. Я не знаю, как это может быть связано с апокалиптическими видениями Иоанна, с этим городом будущего и вообще с загробным миром. Город в каком-то смысле стал оппозиционером смерти. Город был местом жизни, будущей жизни. Некрополь-кладбище и город находятся в какой-то странной смысловой связи. С одной стороны – некрополь, он тоже связан с землей. Его организация пространства похожа на регулярную планировку городов, куда люди отправляются после жизни – и города, в которые они уезжают с земли, для жизни в будущем. В истории цивилизации эти два города, два пространственных стереотипа, архетипа слились: города стали будущим, и города стали движением от земли к будущему. Это движение повторялось в XX веке и вылилось в тенденцию перелета в космос. Фактически перелет в космос – процесс ухода с земли, на которой живете и работаете; потом попадаете в город, где земля покрыта асфальтом; потом уже улетаем дальше в космос, где нет Земли как планеты. Причина современного депрессивного императива, мне кажется, не в том, что большевики не построили рай на земле, а в том, что загнулся космический проект. Жить стало грустно не только в Иркутске и в Красноярске, но даже в центре Москвы. Оказывается, состояния депрессии и энтузиазма имеют какую-то смысловую энергетику, которая представляет смыслы жизни. И эти смыслы жизни распространяются по земле так, что иной раз и в Урюпинске жить прекрасно: мы пока живем в Урюпинске, но скоро улетим в космос. Исчезновение космической перспективы я теперь связываю с планетарной клаустрофобией. Планетарная клаустрофобия на какой-то момент могла компенсироваться идеей космического взлета. Но когда космос рухнул, мы все вернулись на Землю, тут перед нами стала совершенно новая задача – помирить нас со своими предками, с теми, кто жил за тысячелетия до нас. С необходимостью жить на земле и питаться смыслами самой земли. Я думаю, перед всеми нами, перед архитекторами в особенности, она будет стоять очень остро. Оказывается, не космос и не будущее являются

основным источником смысловой энергии, а сама земля и ее ландшафт, физиология земли: времена года, течения рек, выпадение дождей, смена облаков... Земля – единственная планета, на которой существует жизнь, которая образовалась вследствие совершенно непредвиденного сочетания химических элементов и многих других обстоятельств, зародилась и живет. Она и есть та машина, мотор, который питает таких букашек, как мы, люди, смыслодержанием.

Есть некий смысловой космос человеческой жизни – одной человеческой жизни, от рождения до смерти, и этот космос опирается в ландшафт Земли как космического тела. Смысл нашей жизни – всех, где бы мы ни жили, состоит в причастности к процессам, происходящим на поверхности Земли. Волнениям океанов, течениям рек, геологическим изменениям. И мы этого до сих пор не понимаем, потому что за последнее время мы привыкли соотносить свой смысл с историей и с духовным прогрессом. Нам кажется, что смысл жизни состоит в прогрессе культуры. В какой-то степени, может быть, это и так – процентов на 10. Но процентов 90 – это другие механизмы, которые обеспечивают жизнь: сексуальные, питательные программы, программы памяти и коммуникации, которые заложены в человеческом сознании, которые реализуются в тех или иных социальных обстоятельствах и о которых мы можем не знать. Недавно из передачи Александра Гордона я узнал, что все языки упрощаются, а количество языков сокращается. В год исчезает примерно тысяча языков. Языковое богатство планеты сокращается, а ведь языковое многообразие оказывается одним из смысловых частей этой биосферической машины, которая порождает смысл жизни для каждого из нас. Есть необходимость восстановления смыслового потенциала всех людей на земле. Этот смысловой потенциал производится не в Красноярском университете, не в МГУ и не в Гарварде.

Я первые три года после института проработал в управлении градостроительства, мы занимались северными городами. И я был страстным сторонником вахтового расселения. А для людей эти поселки выражали то, что человек живет не ради своего собственного обжитого места, ойкоса и своей ойкумены, а снабжает сырьем какие-то большие промышленные зоны, то есть человек стал существом не полным, а частичным. Это связано с разделением труда, распределением источников энергии и минералов. А жизнь строится только там, где все замкнуто, где жизнь устроена как вложенность друг в друга целостностей, каждая из которых самодостаточна. Крестьянский дом, мой луг, моя корова, вот наш город, вот наша страна, наша Земля – как большая матрешка. А мы функционально специализировали разные части Земли и людей, живущих на этой земле, мы тем самым постепенно утратили связи мест, связи с самой планетарной ландшафтной ситуацией, мир в каком то смысле стал не родиной, а диаспорой. Происходит разрыв: в одном месте добывают нефть, в другом месте только жгут эту нефть на заводе. Никакого внутреннего замыкания, восстановления целостности жизни нет. Предполагалось, что отсутствие этого замыкания может компенсироваться автоматизацией производства. Но автоматизация не отвечает на вопрос: что же остается на долю людей, то есть вопрос о том, что будут делать люди. Существует мнение, что люди будут творить что-то умное. Спрашивается, ради чего? Ради прогресса. Но прогресс оказался ограниченным.

Меня в школе еще учили, что Вселенная бесконечна. Теперь каждый школьник знает, что она конечна. Меня в школе учили, что вечный двигатель невозможен, а оказалось что Вселенная – как раз и есть вечный двигатель.

Вопрос о том, что такое депрессия, теперь уместно связать с другим глобальным вопросом: откуда берется жизненная энергия, само желание жить, этот живой энтузиазм, который позволил самому неприспособленному существу на планете выжить и подчинить ее себе. Градус жизненного тонуса у нас с вами намного ниже, чем сто лет назад и можно предположить, что этот градус исторически необратимо понижается. С моей точки зрения, причины этого в том планетарно-геологической, биологической, ноосферической (по Вернадскому) машине, которая вырабатывает смыслы человеческого существования. Я много перемещался по миру, а последние десять лет живу на хуторе, и никакой депрессии там я не испытываю, как не испытываю большого энтузиазма в отношении прогресса. Считается, что прогресс связан с возможностью свободно передвигаться по миру. Но и до сих пор есть люди, которые из своего хутора никуда не выезжали, в городах почти никогда не бывали. Раньше не было никакого духовного прогресса, а смысл оставался.

Не исключено, что утрата этого смысла является результатом образования. Казалось бы, образование наполняет смыслом человеческую жизнь, но, возможно (и так на самом деле происходит), оно расходует смысловые ресурсы. Чем мифы лучше науки? Мифы были машиной смыслообразования, они смыкали тайну и повседневность; это замыкание и рождало смысл. Утрата мифов в современной культуре или отсутствие замыкания новых мифов на повседневность, выражающееся в идее прогресса, на мой взгляд, и является подлинной причиной смыслового оскудения бытия. Эта драма смыслового оскудения жизни на земле сейчас стала очевидной. Еще сто лет назад о ней никто даже и не говорил: тогда была достаточно сильная традиционная религиозная схема, в которой смысл трансцендентно относился к миру иному. И сегодня многие верят в этот трансцендентный смысл, но вкладывают в него ресурсы осмысления, добытые из собственного сознания, а не принимаемые на веру вслед за пророками.

Вот тут начинается такая градостроительная проблематика, которая почти никогда архитекторами не обсуждается, хотя все дело, возможно, именно в ней. Пророчества давали смысловой потенциал и питали каждый смысловой процесс в индивидуальности. Науки же дают знания, но не дают никакого смысла. Получается, что наука в глобальном духовном измерении своего рода бессмысленная сфера деятельности. Мы же этого не осознаем. Смысл и знание – вещи разные, хотя мы не критически воспринимаем их как нечто однопорядковое. Мы забыли библейский смысл выражения, согласно которому, умножая знания мы умножаем печаль. Хайдеггер переформулировал эту мысль в своей идее судьбы человека как «заброшенности» в мир. Вот почему в зимние месяцы в Иркутске эта печаль вдруг появляется в чувстве хайдеггеровской заброшенности. Откуда чувство заброшенности у людей на земле? Не Иркутск, а мир порождает заброшенность, которая в разных формах возникает у Хайдеггера, у Камю, даже у Платона.

Иными словами я понимаю депрессию и заброшенность как постоянные свойства жизненного мира, побуждающие людей к сопротивлению и действию или ввергающие их в состояние близкое к суициду. Результат зависит от соотношений масштабов депрессии и энтузиазма в разных слоях и горизонтах пространства и времени. Зима в полярном городе может родить депрессию, и этого не произойдет, если смысловая полнота бытия в этом месте компенсируется другими составляющими жизненного мира, например привычкой и приспособленно-

стью народов к полярной ночи, мифами в которые верят люди и, наконец, архитектурой.

Вопрос состоит только в том, является ли архитектура в этом месте и в это время магическим средством порождения смысловых идеалов или нет? Или архитектура дает нам только крышу, свет и газ? Мы не понимаем сегодня, откуда берутся и живут смыслы, и не видим в архитектуре мощнейшего средства дополнения смысловой основы бытия.

Возможно, что я ошибаюсь, но моя профессиональная интуиция подсказывает мне, что смыслы, в частности, рождает и архитектура и что архитектура и может быть средством восстановления смыслонаполнения земного существования человека. В этом ее основная функция. И это не отдельный дом или город, а вся ландшафтная сфера. Стало быть, архитектура – часть экологического сознания. Я прекрасно понимаю, что когда-нибудь земная цивилизация погибнет, но это будет еще нескоро, хотя уже есть масса сценариев мировых катастроф, по которым уже через 50 лет она может случиться вовсе не из-за смыслового оскудения, а в основном из-за кибертерроризма. Через несколько десятилетий злоумышленник сможет запустить в коммуникационные сети нечто такое, что сможет уничтожить жизнь на земле, и сделает он это, скорее всего, оттого, что впадет в депрессию. Будем надеяться, что этого не произойдет. Но сама смерть, депрессия и жизнь оказываются такими смысловыми резервуарами, механика работы которых людьми пока не понята. Осмелюсь предположить, что архитектура может сыграть в этом спасении от депрессии не последнюю роль.

КЛ Если архитектура – последняя надежда человечества перед лицом тотальной депрессии, то где она возьмет смыслы?

АР Вы будете смеяться: у Бога. Возможно, только в архитектуре Бог и остался. У архитектуры с религией очень сложные отношения, потому что архитектура всегда обслуживала религию. А я все больше подозреваю, что религия на архитектуре всегда паразитировала.

ЕГ Почему паразитировала?

АР Потому что без архитектуры она не могла бы существовать. Архитектура источала ту энергетику, которую религия использовала... Религия – паразит архитектуры, религия живет на ней. Архитектура существует от бога, а религия в виде ритуально-мифологических конструкций обязательно привязана к какой-нибудь архитектуре: к костру, пещере, роднику, скале, горе. Религия питается жизнью архитектурных обстоятельств и способностью архитектуры связать человека с ландшафтом в трансцендентной перспективе.

ЕГ Проектирование – это тоже пророчество?

АР Архитекторы сейчас занимаются проектированием, считая это творчеством. На самом деле проектирование – технологическая процедура, которая реализует какие-то смысловые идеи, но не создает их. Оно их только копирует и имитирует. Но в проектировании и в архитектурном проектировании в частности, несомненно, есть некий момент пророчества. Архитектура не только создает действительность, она превращает желание в действительность.

ЕГ Но мы же проектируем города, среду и т. д.

АР Мы пока еще совершенно не научились проектировать среду. Проектирование среды – лозунг архитектора, который себя ни разу ни в чем не реализовал. Среду создает только история или идеология.

ЕГ Тогда и прогресса нет?

АР Конечно, нет. Прогресс – очень короткий миф человечества, который возник где-то в XVIII веке и сейчас уже

находится в состоянии истощения. Это случайно вспыхнувшая звездочка на нашем небосклоне.

На это мне часто отвечают, что я как архитектор, беру на себя слишком много, что я себя переоцениваю. Но разве это не единственный способ жить? Разве это не спасательный круг выживания человечества?

КЛ Александр Гербертович, а если костер – архитектура, и скала – архитектура, и ручей – архитектура, то нельзя ли услышать определение архитектуры?

АР Пока что удовлетворительных определений архитектуры нет. Это одно из упущений теории архитектуры. Греция, которая родила классическую архитектуру, самого этого слова не знала. Его придумали римляне, и с тех пор смысл архитектуру стали сводить к двум словам – «искусство строить». По сути же, на мой взгляд, это одна из сфер – это сфера ландшафтно-темпорального наполнения смыслом планетарной жизни.

ЕЗ В учебнике архитектуры было написано: «Архитектура – искусственно созданная среда для человека».

АР В таком определении не высвечивается противопоставление между добром и злом, оживлением и умиранием. Концлагерь и тюрьма тоже искусственно созданная среда для человека. Что такое архитектура мы не знаем, но не следует этого бояться. Мы не знаем массы вещей. Почти все, чем мы пользуемся в жизни, воплощено в словах, смысла которых мы пока еще не знаем. Знания этих понятий у нас нет. Но это-то и открывает перед нами радостную перспективу постижения смысла жизни.

АК Давайте вернемся к теме дискуссии. Когда мы с европейцами ведем диалог по поводу развития общественных пространств, то очень часто поднимаем тему закрытых общественных пространств, которая должна быть в сибирском городе. Европейцы не всегда это понимают. Гораздо больше эту тему понимают представители жарких стран; у них такая же проблема, они тоже создают закрытое общественное пространство. Я бы хотел, чтобы те, кто сегодня будет вступать в дискуссию, учитывали, что сибирские летние пространства зимой холодные, ветреные, с видом на снег и лед. И у нас почти нет общественных пространств, общественно-рекреационных пространств закрытых, которые мы можем зимой использовать. Функцию этих пространств стали исполнять торговые центры. Практически на всех мероприятиях, где я бываю в России, везде приводится пример 130-го квартала Иркутска, везде позитивные отзывы. Стал ли 130-й квартал общественным пространством в том понимании, которое мы вкладываем?

АР Я всю жизнь думал об общественных пространствах. Написал даже академическую статью «Субстанциальное пространство». Уже тогда я писал, что пространство – категория, которая на наших глазах тает и исчезает, теряет смысл. Общественное пространство я понимал как некое пространство, которое создает субстанцию общественной жизни. Сейчас я в этом еще больше и глубже убеждаюсь. Думаю, что сегодня – временно-общественному пространству приходит конец: возникло пространство Интернета, которое вытесняет архитектуру и убивает архаику общественного взаимодействия.

Почему в городе нет площадей? А зачем? В городе нет публички, которая на этой площади могла бы обсуждать общие проблемы. Я ставлю всю свою жизнь, в которой я пытался говорить об общественных пространствах, под вопрос. Я не знаю, возможны ли сейчас общественные пространства.

АК Интернетчики от своего дистантного общения страдают. Им нужно живое общение, и это сейчас активно происходит: переход к созданию общественных пространств в эпоху виртуального. Я чувствую, что именно здесь – будущее общественного пространства, где физи-

ческое соединено с виртуальным. Мой французский товарищ присылает такие примеры, которые я бы, конечно, никогда не назвал общественным пространством: задворки завода или автобазы, где все расписано граффити. Там собирается молодежь, тусуется, лазает по заборам. Они фотографируют, выкладывают в социальные сети. В понимании архитектора это никакое не общественное пространство, оно не создано специально как общественное пространство.

АР Общественное пространство предполагает наличие необщественного пространства, а это вообще еще одно белое пятно. На самом деле оно незримо стоит за спиной всех разговоров об общественном пространстве. Если говорить системно, то обязательно вместе с общественным пространством выясняют условия существования всех необщественных пространств.

АК Речь идет о базовых основаниях деятельности вообще. Должен ли архитектор, занимаясь, например, проектом планировки конкретной территории, нести какое-то свое мнение через формы организации этого места? Либо он должен подстраиваться под ту публику, которая будет пользоваться этим? Кто формирует следующий шаг?

Алексей Мякота У меня был опыт организации студенческих и молодежных флешмобов и художественных акций. Уверен, когда мы создаем общественные пространства, мы должны предоставить возможность творческой самореализации человека. Мне кажется, что даже созерцание – это творческий акт, имеющий прямое отношение к проблеме общественных пространств.

Алексей Бавыкин Общественное пространство уместно делать только при наличии гражданского общества. В гражданском обществе нет обязательности, люди входят в него по внутреннему зову, по воспитанию. У воспитанного определенным образом человека появляется совершенно закономерная потребность в общественных пространствах. Формирование гражданского общества и формирование общественного пространства – это абсолютно параллельные процессы.

ЕГ Со многим, что здесь только что прозвучало, не могу согласиться. С тем, что если нет гражданского общества, то не нужны общественные пространства. И с тем, что площади и шествия в советское время были насильственно заполняемыми демонстрациями, я тоже не вполне соглашусь. В некотором роде это было тем, что сейчас называется тимбилдингом, способствовало сплочению коллектива.

Прозвучал вопрос о 130-м квартале, к созданию которого мы имеем отношение. Ставились две задачи. Первая – создать общественное пространство, которое дополнило бы Театральную площадь – в развитие Культурного центра и потенциальной цепочки общественных пространств парк – набережная. Вторая – показать подавляющему большинству иркутян, что деревянные здания не только идентичность Иркутска, но это здания, которые могут существовать и нести современные функции, что они могут быть привлекательными для бизнеса.

Очевидно, что общественное пространство состоялось. Да, у архитекторов, у историков есть свое мнение по поводу этого квартала. Но как общественное пространство – работает. В Масленицу, в суперморозный день, здесь прошло 10 тысяч жителей. Квартал маленький совсем, пять гектаров. Еще один побочный результат проекта 130-го квартала в том, что комплексная поквартальная реконструкция пошла по городам. Сейчас в Улан-Удэ создается проект реконструкции исторического квартала, в Красноярске что-то такое прорисовывается, Томск этим озаботился, Новосибирск. Наверное, это все-таки правильный подход: реконструкция отдельного домика

не спасает деревянное зодчество. 130-й квартал родился из места, из своего рельефа, из примыкающей Театральной площади и недалеко находящейся набережной. Из того, как этот треугольный квартал стоит по отношению к главной оси города – Байкальскому лучу. Свидетельство успешности и того, что он заработал как общественное пространство, и то, что стоимость квадратного метра там сейчас самая высокая в городе, стоимость аренды самая высокая, и это пример для инвесторов-владельцев других участков.

АК Почему общественные пространства образуются в одном месте, где вроде бы нет физических условий, и не образуются в другом, где вроде бы все создали?

ЕГ Мне кажется, что если в общественном пространстве не происходит никаких событий, то оно не общественное. Возможно, оно личное, приватное пространство, и там хорошо одному человеку. Чем симпатичен остров Татышев? Там есть сугубо общественные, транзитные, пропускающие огромные потоки разных людей пространства и есть возможность уединиться, т.е. рядом есть вот эти необщественные пространства. Это сочетание очень симпатично. В 130-м квартале удалось сохранить масштаб городской среды: дома стоят на тех же местах, где они стояли до реконструкции. К сожалению, не осуществлено то, что было заложено в проект: сочетание приватных пространств и общественных. Одной из ошибок реализации я считаю то, что там не удалось оставить зелень, которую проект предполагал сохранить. И это одно из главных отличий нынешнего 130-го от кварталов иркутской деревянной застройки. Это поправимо. Сейчас туда уже начинают завозить крупномерные деревья, чтобы не ждать 30 лет, пока дерево вырастет, а потратить 30 тысяч вместо одной и поправить таким образом ситуацию. Конечно, в реализации функциональное насыщение отличается от проектного, однако шесть музеев там есть, планетарий скоро откроется. Музей «Ноосфера», книжная лавка, в которой Кубенский купил уникальную книжку по детской цене практически, работает и собирает свой круг. Там собирается свой круг интеллигенции, и принадлежит лавка авторам энциклопедии «Иркутск».

В квартале есть разные точки притяжения. Они ориентированы на разные слои: для детей, для школьников, для узкого круга старой иркутской интеллигенции, для широкого круга молодежи. Ресторанчики разнообразные. Есть возможность для велопрогулок, роллеров. Роскошная лестница, пандусы, маленькая круглая площадь, сквер на стрелке. Это живет.

Я слушала дискуссии о красноярской Театральной площади и здании, которое должно было там возникнуть симметрично музею Чернышева, Египетскому музею, с другой стороны моста. Поняла, что красноярцы трактуют идентичность своих общественных пространств таким образом, что частично оно обрамлено искусственным ландшафтом, а частично – формирующими линию горизонта горами. В Иркутске масштаб среды свой.

Что, увы, не состоялось в 130-м квартале – это главная площадь с амфитеатром, оформляющим рельеф, агора. Возможно, Алексей Львович, отсутствие гражданского общества на нужном уровне и не позволило состояться совершенно чудному амфитеатру (символу демократии?). Этого не поправить. Но в реальности квартал существует практически благополучно, это действительно самое любимое место не только туристов, но и, что важнее всего, горожан. Он перехватил даже часть потока у всеми любимого бульвара Гагарина на набережной.

АК Есть ли в современной ситуации у архитектора инструменты и средства довести до конца свой проект, свою

идею, которая была заложена на момент его создания. Давайте об этом подумаем.

Эдуард Кубенский Фотографии 130-го квартала на моем фейсбуке собрали много отзывов. Меня впечатлило именно то, что я мог находиться в течение часа-двух совершенно в разных мирах. Это похоже на виртуальные пространства, как в Интернете я могу несколько окон открыть. Ощущения обновляются. Мне казалось, что это на самом деле пространство мнений. Может быть, это судьба всех общественных пространств? Получается, что стремление поделиться своим мнением приводит к увеличению числа людей в данном пространстве? В таких местах не нужны фасады, мы должны «вывернуть» архитектурный знак, интерьер уравнивать с экстерьером. Мы должны находиться в городе, где вообще полностью должно отсутствовать внешнее пространство. Но получается, что при огромном скоплении мнений мы все-таки находимся в одиночестве, со своими гаджетами, каждый как бы сосредоточил в себе площадь...

АР По моим наблюдениям, архитектура парадоксально сторонится людей, и сильнее всего действует на индивидуального человека, человека вне толпы, человека, который оказался где-то, где в данный момент никого нет. Архитектура именно тогда видна, когда там нет людей. Это большой парадокс самой архитектуры, и одна из самых насущных задач теории архитектуры – понять этот парадокс.

АК Хочу зафиксировать мысль, которая стала еще отчетливее после выступления Александра Гербертовича, – что интерьер поменялся с экстерьером. Мне кажется, что это очень важная линия нового общественного пространства. Если экстерьер, как вы говорите, без людей, то интерьер всегда для человека. Вот эти фреймы-окна в новом общественном пространстве, где каждый может найти свой интерьер. Более того, каждый собственник маленького кусочка предьявляет другим свой интерьер, будь то кафе или музей экспериментальный, который переехал в 130-й квартал из Академгородка и стал сразу успешным. Так у нас людьми все и наполняется.

АЮ Публичное пространство в современном понятии дает возможность осуществлять различные предложения в дружелюбном интерфейсе, по принципу которого пытаются организовать публичные пространства в Москве. Это очень интересный объект для исследований и наблюдений. Как организуются эти новые публичные пространства? Традиционно люди приходили сюда развлекаться. Сейчас происходит нечто обратное. Они приходят за неким ноу-хау. И вот эти пространства им дают возможность обучения, развлечения, организуют «отдых с достоинством», тем самым формируя необходимое условие для гражданственности на уровне доступной, адекватной, соразмерной антропологии.

ЕГ Кажется, в сознании архитектора что-то сдвигается: если раньше выставлялась чистая архитектура, то сейчас на планшетах – люди в среде. Меня научили, что архитектура это не фасад, а все-таки среда.

Алексей Мякота Мне кажется, что динамика публичных пространств должна быть обеспечена новым качеством архитектуры. Она должна быть раскрыта, позволять видоизменять функции, иметь некую полифонию акций, движений, проявлений. Люди, посетители, горожане на острове Татышев сами почему-то стали превращаться в сообщество. В первую очередь на острове появилось движение: велосипед, ролики, здоровье, красота тела, сексуальность, событийность. И жизнь, которая там стала произрастать, стала менять самих людей: там не гадают, друг другу подсказывают. Люди улыбаются, здороваются. Для нас, красноярцев, это эпи-

центр: ландшафты, геология, реки стекаются, Енисей. 174 тысячи горожан в прошлом году побывало там за неделю. У каждого возраста свое время; гуляющих огромное количество. И природа вдруг стала проявлять себя. Она радуется, заражая этим людей.

АК Тема идентичности общественных пространств как места действия людей в последнее время, мне кажется, ускользает из архитектуры. Возникает очень много городской самодеятельности, такого хипстерского урбанизма по самоорганизации общественных пространств вне всякой архитектуры.

Андрей Боков Разговоры о сохранении идентичности ведутся повсюду. Но темы идентичности и сущности общественных пространств – все-таки разные темы. Я начал сильно опасаться проявления сумеречного сознания, когда все мешается, все погружается в какую-то мифологию, когда слова теряют смысл, ценность и т.д. Такие дискуссии обычно заканчиваются ничем.

Почему вдруг всех так волнует регионализм, идентичность и т.д.? И что это такое? Надо понять, что они неразрывно связаны с тем, что называется «контекст». В последнее время мы чувствуем, понимаем: ценность контекста – пространственного, культурного существенно уменьшается. Это означает лишь одно: архитектура действительно утрачивает некие базовые, концептуальные, природные, родовые свойства и характеристики, которые нам казались всегда весьма и весьма ценными. Утрачивает систему ценностей и ориентиров. Это пространство очень быстро захватывается оформителями-дизайнерами, порой самого низкого свойства. С другой стороны, в теории архитектуры все чаще и чаще появляются колдуны и экстрасенсы. У них общественные пространства начинают говорить, еще что-то. Это порождено патологическим желанием, стремлением существовать не в контексте, не в том, что нас окружает, а в том, что называют трендом, то есть стремлением не отстать от потока времени. Именно это приводит к появлению того беспокойства, которым мы все наполнены, которым делимся друг с другом. Если мы хотим говорить об идентичности, значит надо снова вернуться к себе и вернуть уважительное отношение к контексту. Я был в городе Харбине. В какой-то момент харбинцы почувствовали, что они утрачивают нечто ценное и провели замечательную работу: проанализировали физику города, в том числе и морфологию фасадов, соотношение деталей и пространство деталей и плоскостей, пропорции окон и стены. И создали что-то вроде регламента, чтобы не разрушать это пространство. Для того чтобы каким-то образом продолжать подход, генотип, не знаю, как угодно. Замечательно, что они, в отличие от нас, как говорят, так и делают. Таким образом, городская ткань продолжает наращивать свою массу, сохраняя целостность и соразмерность среды. Есть и другой, прямо противоположный путь. Город Вена был разрушен не меньше, чем другие города во время войны. Но отстроенные дома абсолютно не производят впечатления новых. Они сохранили городскую ткань, морфотип, физику города. Больше половины домов построены после войны, но это ни в коем случае не оскорбляет, потому что это сделано в той же культуре.

Здесь я перехожу к другой теме. Александр Гербертович говорил об архитектуре, которая формировалась на протяжении последних ста лет. Россия – единственная страна, в отличие от многих других, которая увлеклась архитектурой, построенной на утопическом миропонимании, когда архитектура подчинялась некой априорной модели, весьма далекой от реальной жизни. И если в Германии такая утопия была только единожды создана,

то в России их было три. Первая, условно говоря, культурная модель. Очень мощная, очень четкая модель коммунальной жизни. Сталинская модель – не менее мощная, но она тоже не имела ничего общего ни с реальной жизнью, ни с чаяниями граждан и т.д. В основе хрущевской модели была какая-то идиллическая семья: папа, мама, школа, детский сад и прочее.

Если вы вспомните средневековый город, который многие находили чрезвычайно любопытным, то он складывался естественно. Там нет этого пугающего противоречия, нет ощущения покинутости. Это другое пространство. После того как сила этих утопий начала ослабевать, возникло средовое сознание, средовой подход. Сегодня формируется то, что называется дизайн, где основанием для проектирования становится сценарий, который напрямую отсылает нас к человеку, группам людей, заставляет учитывать их интересы как нечто, лежащее в основании всех наших действий и проектных решений. Проходят общественные обсуждения, которые стали у нас сейчас нормой. Другое дело – насколько они результативны и адекватны. Нам отказываться от груза утопий весьма и весьма сложно. Но приходится. Возникает то, что называется послеутопическим сознанием. Оно очень болезненно и трудно формируется, но уже формируется, оно придет. Архитектура, которая появится, породит нам единый город – какой-то очень хороший, очень качественный (хотелось бы надеяться).

Один из мифов, в которых мы сегодня существуем, – миф, заставивший нас разделить город на две части: на исторический город, где, согласно Министерству культуры, ничего строить нельзя, здесь свои законы, свои дела, и остальной город. Каким образом перейти от одного типа профессионального сознания, выстроенного на мифах, на мифологии, на утопии, к другому, – это представляется чрезвычайно существенным уровнем. Непредвзятость, демифологизация практики является сегодня одной из основных задач профессии, как мне кажется, уже на уровне обучения и дискуссий такого рода, как сегодня. Это очень важно – очистить сознание. Взглянуть на мир глазами ребенка и попытаться понять, что же на самом деле происходит. И тогда получится архитектура идентичная, честная архитектура и т.д. Сегодня нечестность, к сожалению, становится нормой. Декораторство – это, конечно, болезнь. Постоянное желание быть в тренде – это еще одно заболевание. И преодолевать пороки в самих себе достаточно сложно; тем не менее это надо сделать. Если подобного рода проявления мы сумеем отыскать здесь, это уже будет огромным успехом нашего собрания.

Но еще я хотел сказать и другую вещь. В какой-то момент город такой гомогенный, комфортный, замечательный, живущий долго и успешно, вдруг взрывается. Вдруг он требует Гери, строит музей в Бильбао. По существу это проявления культурного механизма, который на самом деле формирует и наше сознание, и нашу среду, и город, и все остальное. Важно только, чтобы этот механизм работал адекватно, точно, естественно. Как только он начинает становиться предметом жесткого кодирования, управления, еще чего-то, когда самодвижение и регулирование не сбалансированы, наступает то состояние, которое вызывает серьезное беспокойство. Нужен баланс, нужно смотреть на то, что происходит вокруг, что происходит в мире, что происходит у нас в наших душах. Понимаете, литература, кино показывают нам другой совершенно город или образы этого города. Они существенным образом отличаются от той мрачной картины, мизантропической и тяжелой, которую Александр Гербертович нарисовал. Все принадлежало той

же культуре, и той же эпохе, и тем же временам. Не все так однозначно, просто. А что выходит на второй план, становится декорацией, блистательной декорацией, более мягкой декорацией.

АК Должен ли архитектор, в широком смысле архитектор, переосмысливать себя?

АБ Постоянно. Я об этом и говорю. Это то, что называется профессиональная ответственность, то, что дает результат. Очень легко и просто работать в тренде. Гораздо сложнее понять, что же делать. Намного сложнее. Еще сложнее понять состояние диалога с городским сообществом, с кем угодно. С партнерами, с воображаемыми противниками. Но это то, что нужно. Это те задачи, которые ставит перед собой профессиональное сообщество, европейское прежде всего. Там человек не получит работу, он не состоится как профессионал, если не сумеет подобным образом действовать. У нас, к сожалению, все выстроено иначе. У нас сильно монополизирован весь рынок жилья, а также рынок производства городской ткани. Сегодня это рынок производителя, а не потребителя. Всем понятны обстоятельства: дефицит, власть, которая ведет себя порой безответственно. Бизнес, который ведет себя подчас совершенно оголтело; он, вдобавок, не просвещен, он чудовищно безграмотен. Власть уже к подобному привыкла. Многие города, в которых я побывал, прекрасные, потрясающие города, безбожно уродуются. Они уродуются людьми, которые не понимают, что дом-урод – это прямое воровство. Воровство у тех, кто в этом городе живет. Потому что как только рядом с твоим домом появляется плохой дом – это означает, что тебя обокрали, твой дом утратил существенную привлекательность, рыночную стоимость и т.д. И на этом построено все законодательство, которое жесточайшим образом предписывает определенный образ деятельности. Огромные области, районы Европы просто исключают возможности строительства вне регламента. У нас строительство не ограничивают никакими регламентами. Именно регламенты являют собой и формируют основу преемственности, основу культурного ландшафта, основу качественной среды, какие-то гарантии и т.д. У нас этого нет. И это беда, это приводит к существенному разрушению, к существенным утратам культурным, материальным, моральным и к обескультуриванию и декапитализации города. На наших глазах Сингапур и Лондон вышли из кризисного состояния. То же мы наблюдали и в Нью-Йорке: в 70-е годы это город кризиса, где все обесценилось, где жить нельзя, где бандиты и небезопасность и т.д. Дальше были приняты законы, которые привели к изменению картины. Эти города стали городами людей, это не были города, состояние которых поддерживается исключительно полицией.

АК Вопросы очень сложные. По сути – это профессионально-философский, базовый подход. Сейчас я думаю, что, с одной стороны, в наших городах много субъектов, которые считают, что они понимают, как надо развивать город и действительно имеют на это право. С другой стороны, много совершеннейших шарлатанов, которые пытаются что-то навязать городу, не имея понятия о городе как таковом и его специфических качествах. И в этом же поле действуют архитекторы как профессиональные субъекты. Они вынуждены конкурировать и кооперироваться с этой массой. И это, наверное, тоже проблема. Как договариваться, как разговаривать? Такой проблемы раньше не было. На встрече с главой города говорилось, что профессионализм и право профессионалов-архитекторов на ответственное решение необходимы для развития города.